
АЛЕКСЕЙ ШОКУН
МЕЖДУ ВЕРОЙ И СОБОЙ
О ТЕЛЕ, ЖЕЛАНИЯХ И ПРАВЕ ЖЕНЩИНЫ ВЫБИРАТЬ
ЧИСТАЯ
ИЛИ
ВИНОВАТАЯ?
Как религиозное воспитание
превращает женские желания
в испытание
18+
КНИГА 6

Шокун Алексей

Чистая или виноватая? Как религиозное воспитание превращает женские желания в испытание

https://litres.ru/74705407
SelfPub; 2026

Аннотация

В детстве её учили быть чистой. Во взрослой жизни она всё ещё боится оказаться виноватой — даже перед самой собой.

«Чистая или виноватая?» посвящена тому, как идеи целомудрия, обетов, добродетели и нравственного контроля влияют на отношение женщины к телу и близости. В фокусе — опыт протестантских общин и католической среды, где представления о чистоте могут проживаться очень по-разному. Автор отделяет вероучение от давления окружения, личный выбор — от страха наказания, заботу о нравственности — от привычки стыдиться себя.

Книга помогает назвать переживания, о которых часто трудно говорить даже с близкими.

Кто решает, достойна ли женщина уважения: её прошлое, чужой идеал или она сама?

При редакционной подготовке применялись интеллектуальные текстовые инструменты для организации материала и уточнения формулировок. Содержание, авторская позиция и выводы принадлежат автору.

Содержание

Прежде чем вы начнёте 5
Глава 1. Кольцо: что обещают в пятнадцать 11
Глава 2. «Одна плоть»: что происходит после 24
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Шокун Алексей
Чистая или виноватая? Как религиозное воспитание превращает женские желания в испытание

Серия «Между Верой и Собой».
Книга 6 из 8
Шокун Алексей Владимирович

Прежде чем вы начнёте

Эта книга — о традициях, в которых тело не названо грязным. Грязным его сделала культура, выросшая рядом. И разница между этими двумя вещами — главное, что здесь нужно понять.

Важно. Книга адресована взрослым читательницам: здесь говорится о взрослой сексуальности, о теле и о желании. Всё сказанное относится к женщинам восемнадцати лет и старше.

Книга не заменяет психотерапию, медицинскую помощь и разговор со священником. Она не выносит вердиктов о том,

как правильно верить: на вопросы об учении отвечает пастор или священник, а не эта книга. Автор — не богослов и не носитель традиции; это надо помнить на каждой странице.

Книга не обсуждает политику, законодательство, организации и положение дел в странах. Все имена пасторов, священников и общин здесь вымышлены.

Почему отдельная книга о протестантизме и католицизме

Потому что это самый близкий к нам мир и самый невидимый.

Православие в России узнаётся по внешним признакам: храм, свеча, батюшка, крестик. Протестантскую общину не видно. Она собирается в доме молитвы на окраине, в арендованном зале, в квартире. Её члены ходят на работу, водят детей в школу, здороваются с соседями — и почти никогда не говорят, где были в воскресенье.

Есть провинция. Воронеж, Ростов, Тверь, Красноярск, любое село, где половина улицы — верующие. Там баптистская община существует третье поколение: бабушка пришла в пятидесятые, когда за это могли выгнать с работы, мать выросла внутри, дочь знает все гимны наизусть. Там «чистота» — не книжное слово, а то, чем тебя мерили с четырнадцати лет.

Есть пятидесятники. Другая традиция, другой язык: не сдержанность, а громкость; не порядок, а движение; не «брат, помолимся», а молитва вслух всеми сразу. Там о теле

говорят меньше, но о твоей личной жизни знают больше — потому что Бог «открывает».

И есть католичество — в России чаще всего выбор взрослого человека, иногда конверта, иногда внучки польской бабушки. Там есть то, чего нет у протестантов: исповедь, контрацепция как вопрос учения, месса как форма.

И лютеранство — тихая версия всего этого: те же слова о грехе и благодати, но без надзора и без надрыва.

Четыре реальности — четыре разных разговора о теле. Эта книга обращена ко всем четырём.

Три слова

Чистота. В этой книге слово берётся в кавычки не из иронии. «Чистота» здесь — не свойство тела, а название движения, которое в девяностые обещало девушкам защиту: подпиши, надень кольцо, и тебя минует боль. Движение было внецерковным, и это важно: оно не было доктриной, но стало культурой.

Обет. Обещание, данное Богу или общине. Разница между этими двумя адресатами — не формальность. Обещание Богу можно пересмотреть в разговоре с Ним. Обещание общине пересматривает община, и у неё есть санкции.

Благодать. Слово, которое в этих традициях отвечает на стыд. Не «ты исправилась, поэтому тебя принимают», а «тебя принимают, поэтому ты можешь меняться». Если из книги запомнится одно слово, пусть будет это — потому что именно его чаще всего отнимают у женщин.

О чём эта книга не

Она не против веры. Здесь нет ни одной страницы, где верующий человек выставлен дураком. Люди, о которых идёт речь, ходят в церковь не из глупости: у них есть то, чего нет у многих, — опора, община, ответ на вопрос о смерти.

Она не «разоблачение». Слова «секта» в этой книге нет. Оно оценочное и ничего не объясняет. Вместо него — описание устройства: как принимают решения, кто может сказать «нет», что происходит с тем, кто уходит.

Она не выбирает между традициями. Баптист, католик, лютеранин и пятидесятник не спорят здесь о том, чья вера правильная. Они расходятся в другом — в том, кто распоряжается телом женщины и на каком основании.

И она не обещает, что станет легко. Чистота, понятая как сохранность, оставляет след надолго. Он не исчезает от правильных слов. Но с ним можно жить так, чтобы он не решал за вас.

Как устроена книга

Первая часть — обет. Откуда взялась культура чистоты, что она обещала в пятнадцать лет и почему не предупредила о том, что будет после свадьбы.

Вторая — община. Домашняя группа, пятидесятническое собрание, женское служение, лютеранский приход. О том, что община — это семья, а семья знает о вас больше, чем вы хотели бы.

Третья — тело. Исповедь, контрацепция, беременность,

развод. О том, где традиция говорит о теле точнее, чем принято думать, и где её слова обходятся женщине дороже всего.

Четвёртая — выход. Одиночество, уход из общины, тело после чистоты. О том, что выйти можно и что выйти — не значит «стать другой».

Три правила, по которым написана эта книга

Первое: различать доктрину и культуру. Половина того, что женщина в этих общинах слышит о своём теле, не написано ни в одном вероучении. Это чей-то страх, пересказанный как закон.

Второе: не смягчать. Там, где обычай вредит, это будет названо. Там, где традиция говорит о теле что-то неожиданно точное, это тоже будет названо — и второго в этих традициях больше, чем принято думать.

Третье: не решать за читательницу. У этой книги нет ответа на вопрос, оставаться ли в общине. У неё есть инструменты, которыми можно разобрать, что вам говорят, от чьего имени и на каком основании.

Об именах

Все женщины, от чьего имени идёт речь, вымышлены. Всё, что они говорят, составлено из разговоров — но ни одна история не является историей конкретного человека. Пасторы, священники и общины тоже вымышлены. Это сделано намеренно: книга говорит о явлениях, а не о людях, которых можно найти по имени.

Настя тридцать четыре года носит в шкатулке кольцо, ко-

торое надела в пятнадцать. Она не помнит, что именно обещала. Она помнит, что обещала.

Глава 1. Кольцо: что обещают в пятнадцать

Обет чистоты придумала не церковь. Его придумали люди с добрыми намерениями, хорошей музыкой и очень плохим знанием того, как устроено тело.

Дом культуры, суббота

Насте пятнадцать. Она стоит в зале дома культуры, где пахнет крашеным полом и мокрыми куртками, и держит в руках карточку.

На сцене — приезжий проповедник из Москвы, молодой, в свитере, с гитарой. Он говорит про любовь, про то, как Бог задумал, и про то, что настоящее чувство умеет ждать. Зал поёт. Кто-то плачет. Мать Насти стоит рядом и тоже плачет, и это важнее всего, что говорит проповедник.

Потом им раздают карточки. На карточке — текст обещания и место для подписи. И кольцо: серебряное, простое, с надписью внутри.

«Я подписала, потому что мама плакала. Я не помню, что там было написано. Я помню, что было очень торжественно и что я боялась, что если не подпишу, то все поймут, что я не такая, как они».

Что было потом. Кольцо она носила четыре года. На безымянном пальце левой руки — там, где носят обручальное, и

это было специально: чтобы все видели и спрашивали.

«Меня спрашивали в школе. Я говорила: это обет чистоты. Кто-то смеялся, кто-то уважительно кивал. А я стояла и чувствовала себя избранной. Мне было пятнадцать, и это было первое в жизни, чем я могла гордиться».

Откуда это взялось

Важно понять с самого начала: обет чистоты — не церковное установление.

Это движение. Оно началось в девяносто третьем году в Америке, в среде консервативных протестантов, и называлось просто: ждать. Подписывать карточки. Носить кольцо. Устраивать конференции, где подростки публично обещают не иметь секса до брака.

Это парацерковная история. То есть существующая рядом с церковью, а не внутри неё. Придумали её не богословы, а молодёжные лидеры: люди, которые работали с подростками и видели, что теряют их. Идея была простая и, надо сказать, человеческая: дать детям то, за что можно держаться.

Как это попало в Россию. В девяностые, вместе с переводными книгами. Одна из них — про поцелуй, который стоит подарить только одному человеку, — была в каждой церковной библиотеке. Её читали девушки, её цитировали с кафедры, по ней строили занятия для подростков. Через много лет её автор публично от своей книги отказался и сказал, что она причинила людям вред. Об этом в церквях вспоминают редко.

И главное. Ни в баптистском, ни в пятидесятническом, ни в лютеранском вероучении обета чистоты нет. Ни в одном катехизисе. Ни в одном символе веры. Это не доктрина. Это культурное движение, которое вросло в церковную жизнь так глубоко, что его перестали отличать от учения.

Что говорит об этом церковь

Тут нужна точность, иначе вся книга пойдёт по ложному следу.

Доктринально в этих традициях секс не грязен. Ни в баптизме, ни в пятидесятничестве, ни в лютеранстве, ни в католичестве. Послание к Евреям говорит прямо: брак честен и ложе непорочно. Первое послание к Коринфянам посвящает супружеской близости целую главу — и говорит там не о терпимости, а о долге, который супруги отдают друг другу, и о том, что уклоняться нельзя, кроме как по согласию и на время.

То есть традиция говорит о теле хорошо. Не «можно, но стыдно», а «это благо, и оно ваше». В католичестве брак — таинство. В протестантизме — благословлённое состояние, «честное», без оговорок.

Откуда тогда ощущение грязи. Из трёх мест, и ни одно из них не доктрина.

Первое — пуританская культурная наследственность, которая старше всякого движения: сдержанность, серьёзность, недоверие к удовольствию как таковому. Она вошла в протестантский быт и осталась в нём независимо от богословия.

Второе — советская среда. Бабушки и матери Насти выросли в стране, где о сексе не говорили вообще, и принесли в церковь ту же тишину, только освящённую текстом.

Третье — само движение чистоты, которое добавило к этому свой язык: подарок, упаковка, сохранность.

Практический вывод. Когда вам говорят «в Писании сказано, что это грязно», — это неправда, и её можно проверить по тексту. Сказано другое. А то, что вы слышите, пришло из культуры, а не из книги.

Почему это касалось девочек

Мальчики тоже подписывали. Но всё остальное было устроено для девочек.

Кольцо. Его носили на левой руке, как обручальное. Оно было видно. Оно требовало объяснений. Оно превращало тело девочки в публичное сообщение.

Язык. «Ты — подарок». «Не разворачивай упаковку раньше времени». «Твоя чистота — то, что ты подаришь мужу». Заметьте: подарок — это то, что дарят. У подарка нет своей воли. У подарка есть упаковка, и её целостность — единственное, что имеет значение.

Иллюстрации. На таких встречах показывали наглядное. Жвачку, которую пожевали и предлагают кому-то ещё. Розу, которую рвали по лепестку, а потом спрашивали, кому она теперь нужна. Скотч, который приклеивали и отклеивали, пока он не перестал держать. Всё это говорило одно: ты — вещь, и цена вещи падает от употребления.

«Мне это показывали в четырнадцать, — говорит Катя. — Я потом много лет не могла есть жвачку. Мне было противно от себя, когда я жевала. Я серьёзно».

Почему девочкам. Потому что в этой картине мира ценность женщины определяется её «сохранностью», а ценность мужчины — чем-то другим. Мальчику говорили: будь ответственным. Девочке говорили: не потеряй. Разница между этими двумя фразами — вся эта книга.

Девственность как товар

Самое разрушительное в этой системе — не запрет. Самое разрушительное — экономический язык, на котором о нём говорили.

Слова. «Ценность». «Сохранность». «Подарок». «Использованная». «Осквернённая». «Второй сорт». Заметьте: все они из области вещей. Вещь имеет цену, вещь изнашивается, вещь нельзя вернуть в магазин.

Что это делает с девочкой. Она начинает думать о себе как об имуществе, которое она хранит для владельца. Не «я хочу», а «сколько я стою». Не «что мне нравится», а «что не испортит товар».

И что это делает с её желанием. Желание в такой логике — не часть её, а угроза имуществу. Оно не её, оно против неё. Девочка учится не понимать его, а подавлять, и делает это тем успешнее, чем больше боится.

И самое жестокое. Экономика работает только в одну сторону. Мальчик, который «не удержался», — согрешил и

покаялся. Девочка, которая «не удержалась», — испорчена. Грех можно простить, испорченность — нет, потому что товар уже не новый.

«Я помню, как я думала в шестнадцать: если я поцелуюсь с мальчиком, я стану дешевле, — говорит Катя. — Не «согрешу». Дешевле. Я торговала собой, не понимая, с кем и зачем».

Про «доказательство»

Вся эта конструкция держится на одном предположении: что «чистоту» можно проверить. Это предположение ложное, и его стоит разобрать, потому что на нём выросло очень много горя.

Анатомически девственная плева — не пломба и не печать. Это складка ткани, которая выглядит у разных женщин по-разному, меняется от возраста, от спорта, от гормонального фона и может быть повреждена без всякого секса — велосипедом, верховой ездой, падением, тампоном. И может остаться растянутой после секса.

То есть проверить нельзя. Ни гинеколог, ни муж, ни мать не могут установить по телу, был ли у женщины секс. Медицина об этом говорит давно и однозначно.

Что это значит для системы. Что «доказательство» всегда было социальным, а не телесным: не тело подтверждало чистоту, а репутация. И значит, судили не по факту, а по тому, что о девушке говорили. Отсюда — страх сплетни, страх показаться, страх ходить с мальчиком по улице: не потому, что

что-то произошло, а потому, что кто-то скажет.

И ещё одно. Раз проверки не существует, вся ответственность ложится на слово девушки — а её слово никому не нужно, потому что ей и так не верят. Это замкнутый круг, из которого нет выхода: доказать нельзя, оправдаться нельзя, остаётся только бояться.

«Мне в шестнадцать сказали, что меня проверят в больнице перед свадьбой, — говорит Настя. — Я потом двадцать лет боялась гинекологов. Не процедуры. Того, что он посмотрит и всё поймёт. Я не понимала, что понимать нечего».

Что обещали

Обещание было щедрым, и в нём не было злого умысла.

«Бог сохранит тебя». То есть: если ты будешь соблюдать, тебя минует боль. Не будет брошенной, не будет аборта, не будет болезни, не будет стыда. Ты выйдешь замуж за хорошего человека, и он будет тебе благодарен.

«Ты не пожалеешь». То есть: впереди награда. Свадьба — это финиш, после которого начинается хорошее.

«Твой муж будет счастлив». То есть: твоя ценность — в чьей-то будущей реакции. Не в тебе сейчас, а в том, что когда-то кто-то оценит.

И то, что не говорилось, но подразумевалось. Что желание — это то, что у тебя есть и что надо держать в клетке. Что твоё тело — не ты, а имущество, за которое ты отвечаешь. Что если ты не удержишь, то виновата, и вина эта останется навсегда.

«Мне никто не сказал, что я буду хотеть, — говорит Настя. — Мне говорили: не поддавайся. Как будто я знала, чему не поддаваться. Мне было пятнадцать, и я думала, что желание — это когда мальчик предлагает, а ты отказываешься. А оно приходило само, без всякого мальчика, и тогда я не понимала, что это, и очень пугалась».

Чего не сказали

Вот главное, из-за чего написана эта книга.

Не сказали, что желание не выключается. Что тело, которому десять лет говорили «нет», не начнёт говорить «да» в день свадьбы. Что запрет — это не кран, у него нет вентиля.

Не сказали, что свадьба — не финиш. Что после неё начинается не награда, а работа: сближение, разговор, неловкость, обучение. Что девушка, которую готовили к сохранению, оказывается в ситуации, к которой её не готовили вообще.

Не сказали, что муж — не награда. Что он живой человек, тоже со своей историей, и что «он будет тебе благодарен» — не описание брака, а обещание, которое никто не может выполнить.

И не сказали, что будет, если не получится. А не получалось у многих. И тогда человеку объясняли, что он сам виноват, — и это была вторая травма, тяжелее первой.

«Я знаю девочек, которые подписали и не сдержали, — говорит Настя. — Им потом говорили: ты знала, на что шла.

Никто не сказал: ты была ребёнком, и тебе дали обещание, которое ты не могла выполнить».

Мальчики

Про них в этой истории говорят мало, и стоит сказать.

Что им досталось.«Будь ответственным». «Не подтолкни сестру ко греху». «Ты — будущий глава, с тебя спросят». Формально это выше по статусу. Фактически это тоже груз, только другого рода: от мальчика требовали не чистоты, а контроля — над собой и над чужой девушкой.

Что это сделало с ними. Две вещи. Первая: научило их считать, что за женское желание отвечает женщина, а мужское — стихия, которую надо сдерживать. Вторая: дало им право судить, не давая обязанности понимать.

И что они не получили.Им не говорили, что их тело тоже их, что желание не грязно, что нежность не требует разрешения. Мальчик в такой системе вырастает в мужчину, который либо боится прикоснуться, либо не умеет остановиться, и оба варианта — следствие одного и того же обучения.

«Мой брат тоже подписывал, — говорит Настя. — Ему было семнадцать. Над ним потом смеялись в церкви, потому что он встречался с девочкой. Не осуждали, а именно смеялись: мол, наш-то не удержался. Ему ничего не говорили про то, как быть с собой. Ему говорили: ты подвёл».

И то, что надо назвать.Двойной стандарт — не ошибка этой системы, а её несущая конструкция. Пока женское тело — товар, мужское поведение — всего лишь его проверка.

Как это выглядело дома

У Насти была не конференция, а семья, и это было сильнее любой конференции.

Правила. Никаких встреч с мальчиками до восемнадцати. Никаких брюк в церковь. Никакой косметики. Никаких танцев. Юбка ниже колена — не потому, что так написано, а потому, что «мы так не делаем».

Как это проверялось. Не обысками. Вопросами. «Ты где была?» «С кем?» «Что вы делали?» Мать задавала их каждый день, спокойно и внимательно, и Настя знала, что если соврёт, то это выяснится — потому что в церкви все друг друга знают.

И главное. Это делалось с любовью. Мать не была злодеем. Она была женщиной, которая выросла в семье, где за веру могли выгнать с работы, и которая хотела уберечь дочь от того, что пережила сама.

«Я не могу сказать, что у меня было плохое детство. У меня было очень хорошее детство. Меня любили, мне читали, со мной разговаривали. И в этом же доме мне говорили, что моё тело — опасность, которую надо держать под контролем. Я выросла и не понимаю до сих пор, как это совмещалось».

Что было после конференции

Первые месяцы были хорошими. Это надо сказать, потому что иначе история становится слишком простой.

Что она получила. Ощущение, что она не просто девочка, а девочка с достоинством. Компанию таких же. Взрослых,

которые ею гордились. Право сказать «нет» и не объясняться — и это, кстати, было настоящим правом, которым она потом пользовалась.

«Мне кольцо дало смелость. Я в семнадцать отказала парню, который мне нравился, и не потому, что боялась, а потому, что у меня было основание. Это было моё первое „нет“, которое я сказала без извинений».

Что началось потом. В восемнадцать — первый поцелуй. На дискотеке, с мальчиком не из церкви. И через два дня — разговор с «наставницей»: «Настя, нам надо поговорить».

«Я не знаю, как она узнала. Может, увидел кто-то. Может, я сама сказала. Я помню только, что я сидела на кухне и плакала, а она говорила: ну ничего, Бог простит, ты только больше так не делай. И я кивала. А внутри у меня было не раскаяние. Внутри было: я испорчена. Навсегда. Из-за поцелуя».

Что это дало на годы. Привычку делить всё на «до» и «после» падения. Привычку исповедоваться в мелочах. И уверенность, что она слабее всех остальных, потому что все остальные, конечно же, держатся, а она нет.

«Я потом узнала, что держались не все. Просто никто не говорил. Мы все сидели в одном зале и думали, что мы единственные, кто не справился».

Кольцо сегодня

Насте тридцать четыре. Кольцо лежит в шкатулке, вместе с детскими серёжками и чужим крестиком.

«Я его не ношу и не выбрасываю. Я несколько раз пыталась понять, что оно для меня значит. И знаете, что поняла? Ничего. Оно ничего не значит. Это просто вещь, которая была со мной в пятнадцать лет. Как дневник, который я тоже не выбрасываю».

Но одно она всё-таки помнит.«Я помню, что обещала. Не текст — само чувство. Я обещала быть хорошей. И это оказалось самым тяжёлым обещанием в моей жизни, потому что его невозможно выполнить: чтобы ты ни сделала, всегда найдётся кто-то, кто скажет, что ты недостаточно хорошая».

Даша, девятнадцать

Даша сейчас проходит через то же самое, только в двадцать шестом году.

«У нас это называется „хранить себя“. Кольца не дают, но есть карточки и есть чат, где мы пишем отчёты. Раз в неделю надо написать, как прошло. Если сорвалась — пишешь тоже, и за тебя молятся».

Что она думает.«Мне это помогает. Правда помогает. У меня была ситуация, и я остановилась, потому что подумала: а что я напишу в чат. И это сработало. Я не жалею».

И что её смущает.«Мне не нравится, что все знают. Я написала про поцелуй, и на следующей встрече ко мне подошла женщина и сказала: мы за тебя молились. Я не просила. Мне было стыдно, а она думала, что делает добро».

Даша не обманута. Она взрослая и понимает, что делает. Но она уже наткнулась на то, о чём будет вся эта книга: обет,

который вы даёте Богу, очень быстро становится информацией, которой располагает община.

Что говорят те, кто это придумал

Справедливости ради: движение себя пересматривает, и это тоже часть истории.

Автор книги, по которой учили ждать, через двадцать лет публично от неё отказался. Он написал, что книга причинила людям боль, и что он не может больше её защищать. Это редкий и, надо сказать, честный поступок: люди, чьи идеи разошлись по свету, обычно не признаются.

Часть церквей отошла от языка «сохранности». Не отказавшись от учения о верности, они перестали говорить о девушках как о подарках в упаковке. Появились другие формулировки: не «не потеряй», а «твоё тело — твоё, и решать тебе».

И часть — не отошла. В многих общинах карточки, кольца и жвачка остались. Не потому, что там злые люди, а потому, что это работает: пока девушка боится, она держится, а пока она держится, статистика общины выглядит хорошо.

Что это значит для вас. Что вы имеете право на разговор внутри своей традиции. Есть аргументы, есть тексты, есть люди, которые думают иначе. Тот, кто говорит, что «у нас так всегда», говорит неправду: даже внутри одной общины это менялось на памяти одного поколения.

Глава 2. «Одна плоть»: что происходит после

Девушку готовят к свадьбе как к финишу. Свадьба оказывается стартом — и к нему её не готовили вообще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.